

В. К. Коломиец

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ**

Взгляд из России

В. К. Коломиец

**Политический образ современной
Италии. Взгляд из России**

«Интермедиатор»

2013

УДК [323/324+94](450)
ББК 66.3(4Ита)+63.3(4Ита)

Коломиец В. К.

Политический образ современной Италии. Взгляд из России /
В. К. Коломиец — «Интермедиатор», 2013

ISBN 978-5-91603-627-5

Автор исследует последние полвека новейшей истории Италии – страны Западного мира, которой на протяжении XX столетия и по его завершении довелось пережить едва ли не самые острые моменты альтернативности – решающего исторического выбора, – сопровождавшиеся резкими изменениями в соотношении социальных и политических сил, возникновением новых форм реализации власти и даже новой государственности.

УДК [323/324+94](450)
ББК 66.3(4Ита)+63.3(4Ита)

ISBN 978-5-91603-627-5

© Коломиец В. К., 2013
© Интермедиатор, 2013

Содержание

Введение	6
I. Историческое сознание как исследование в области итальянистики	13
Эмпирические основания	13
Теоретические основания	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

В. К. Коломиец

Политический образ современной Италии. Взгляд из России

*Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши
лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость
для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле,
и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь.*
А. П. Чехов «Три сестры»

Рецензенты:

С. И. Васильцов, доктор исторических наук Н. Н. Поташинская, кандидат исторических наук

© В. К. Коломиец, 2013

Введение

В том рвении, с каким общество познает прошлое, как свое собственное, так и иных стран и народов, возможны крайности двоякого рода – от полного «огосударствления» сферы историописания, когда государство принимает на себя функции некоего подобия «министерства исторической истины», до столь же императивных установок на полную свободу историописательского творчества, призванного, искоренив «белые пятна» истории, объяснить все былое с позиций того или иного «историографического ревизионизма». Коллизия этих двух диаметрально противоположных подходов к историческому познанию особо ощутима во времена «исторических ренессансов», приходящихся в большинстве случаев на «точки перегиба» – переломные моменты в общественном развитии.

На своем исходе XX век подтвердил изначально закрепленную за ним историческую репутацию эпохи великих перемен и потрясений, которые обернулись отрицанием его же собственных устоев. Последние десятилетия минувшего столетия вошли в историю как время упадка идеологий, утопий и антиутопий, краха систем геополитического равновесия, еще совсем недавно казавшихся незыблемыми, радикальных преобразований в общественном устройстве, смены традиционных моделей политического развития. Общество, всей силой этих обстоятельств одержимое идеями обновления, неминуемо устремленное в будущее, неизбежно оказывается, как то имеет место в эпохи великих общественных разломов, перед необходимостью ретроспекции – осмысления собственного прошлого, соотнесения с ним своего настоящего и проектов прозреваемого будущего.

Эта историческая рефлексия, где углубленная, а где поверхностная, выливается в самые разнообразные формы, каждый раз становясь одним из способов обретения теми или иными человеческими общностями – от низовых до самых высокоорганизованных – их национального, социального и политического самосознания. Диапазон ее широк и простирается от маниакального поиска «исторических корней», должных узаконить право, часто весьма проблематичное, на существование и на власть новоявленных политических сил, до нарочито выказываемой агрессивной нетерпимости к прошлому собственной же страны, сурово порицаемому за его «пережитки» в настоящем. Идея и область такого «прикладного», по сути своей «политтехнологического» применения исторического знания, весьма «теоретичного» по сравнению с другими разделами обществоведения, во все большей мере занимают умы современных исследователей, принадлежащих к различным национальным школам и историографическим направлениям¹.

К этому взгляду на историческое знание как нельзя более располагают времена небывалых по глубине общественных разломов, пик которых с редким хронологическим соответствием совпал с завершением XX столетия. Что история – это не только самоценное и самодостаточное занятие для одних лишь профессионалов-эрудитов, что ее функциональное назначение намного шире и имеет свои «прикладные», а то и просто прагматически-приземленные стороны, прямо или косвенно признавалось всегда. Теоретическое осмысление этой «прикладной» и «политтехнологической» сущности знания о прошлом со стороны как соб-

¹ См.: Репина Л. П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М., 2000. 3. С. 7–14; ее же. Социальная память и историческая культура: от античности к новому времени // Диалог со временем / Гл. ред. Л. П. Репина. М., 2001. 7. С. 5–7; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 9–18; История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006; Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю. История, память, мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 116–125; Fulbrook M. Historical Theory. London; New York, 2002; The Ethics of History / Edited by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Evanston, 2004; Bevilacqua P. L'utilità della storia. Il passato e gli altri mondi possibili. Roma, 2007.

ственно исторической науки, так и дисциплин сопредельных, будь то политология, социология или культурология, постепенно утверждает себя на равных с историографическими проблемами более традиционного плана.

Состояния выраженной переходности, при наступлении которых как никогда множится спектр альтернатив общественного развития, особенно обостряют общественный интерес к прошлому, предрасполагая к «погружению» в историю, каким бы способом историописания либо вообще репрезентации этого прошлого ни заявлял о себе каждый новый «век истории». Потому как «история – по исполненному глубокого смысла высказыванию Розарио Ромео, одного из ее выдающихся знатоков в Италии второй половины XX в., – это нескончаемое «опытное поле», предназначенное для наблюдения над действием великих альтернатив, возникших перед человеческой цивилизацией на ее пути. Это театр, в котором постоянно, причем каждый раз заново, разыгрывается человеческая комедия. Это та сфера, в которой лучше, чем в какой-либо иной, раскрываются магистральные тенденции и направления развития человечества»².

В пространственном отношении исследование ограничено пределами Италии – страны западного мира, которой на протяжении XX столетия и по его завершении довелось пережить едва ли не самые острые моменты альтернативности – решающего исторического выбора, – сопровождавшиеся резкими изменениями в соотношении социальных и политических сил, возникновением новых форм реализации власти и даже новой государственности. Относительно позднее обретение национального единства, достигнутого на основе системы шатких, неустойчивых компромиссов, и, как следствие, откликнувшееся и в веке двадцатом, как и в следующем за ним, непримиримо конфликтное противостояние власти и оппозиции, наличие и постоянное воспроизводство мощного потенциала антиэтатистских сил – все эти факторы предопределяли хроническое состояние общественной нестабильности, которая оборачивалась частыми, по историческим меркам, почти «калейдоскопическими» сменами облика Италии – ее государственного устройства, партийно-политической системы, политического класса³.

Последние десятилетия XX в. явились трудным и серьезным испытанием для итальянской республиканской государственности – Первой республики, начало которой восходит ко второй половине 40-х годов, отмеченных победой национально-освободительного антифашистского движения Сопротивления. То был исторический период, вместивший в себя исполненные глубокого драматизма 70–80-е годы, окрещенные в итальянской публицистике «свинцовыми», «ночью республики». То было время разгула политического терроризма, организованной преступности и насилия, небывалой активизации экстремистских сил правого и в особенности левого толка – «вооруженной партии», одержимо нацеленной на разрушение ключевых государственных институтов, а в ближайшей перспективе – на ниспровержение существующей государственности. Италия, таким образом, оказалась едва ли не первой страной, которая напрямую столкнулась с угрозой международного терроризма – социального зла, в наши дни поражающего мир своими доселе невиданными формами и масштабами⁴. Отзвук

² Galasso G. E il passato rispose: Presente! // L'Espresso. 1974. N. 29. P. 47–48. См. интересные соображения об образе мира как театре (образе шекспировском по своему происхождению), используемом в историописании: Экшпугт С. А. История и литература: «полоса отчуждения»?.. // Диалог со временем. 3. С. 64–66; Его же. История и литература // Сотворение Истории. Человек. Память. Текст. Цикл лекций / Отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 431–433.

³ См.: Коломиец В. К. Начало нового этапа идейной борьбы в итальянском социалистическом движении (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Проблемы рабочего движения и идеологической борьбы в Западной Европе (история и современность) / Отв. ред. Ю. И. Березина. М., 1976. С. 3–39; его же. Итог развития постсоветской России: преодоление состояния переходности // На переломах эпох. Политическая трансформация российского общества. Из материалов научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов». 1989–2006. М., 2006. С. 333; Salvadori M. L. Storia d'Italia e crisi di regime. Bologna, 1994; Левин И. Б. Размышления об итальянском кризисе // Полис. 1995. № 2. С. 47–48.

⁴ См.: Pasquino G. International terrorism // ISIG. Trimestrale di Sociologia Internazionale. 2003. N 1/2. P. 4–5; Basic N. A new

тех драматических времен ясно различим в рецидивах террористической активности и в других разновидностях политического вандализма, обнаруживших себя в Италии как при самом завершении XX столетия, так и в начале нового тысячелетия⁵.

На протяжении своей полувековой новейшей истории Италия периодически ввергалась в условия чрезвычайности, будучи вынуждена противостоять, защищая свои государственные основания, то опасности авторитарного перерождения власти, то вспышкам терроризма, то вызовам со стороны организованной преступности⁶. На судьбах страны на Апеннинах сказались и те геополитические катаклизмы начала 90-х годов, спровоцированные распадом Советского Союза⁷, которые, сняв многие, в том числе и психологические, барьеры, возродили такую архаично-экзотическую форму антиэтатизма, как сепаратизм, поставив под вопрос, впервые со времен национального объединения, правомерность существования единого итальянского государства⁸.

То было не единственным фактором развития в какой-то мере общей истории России и Италии: обусловленность итальянской истории историей российской проявляла себя на протяжении всего XX столетия. Она неизменно сказывалась в существовании в стране на Апеннинах того мощного пласта левой политической субкультуры⁹, который сформировался уже в завершающие десятилетия XIX в., по достижении национального объединения страны, и который долгое время, среди прочих внешних влияний, в существенной мере подпитывался историческими мифами русской революционности – народовольческого и эсеровского терроризма, революций 1905 и 1917 гг., коммунизма и антифашизма, Советской России и Советского Союза – «первого в мире государства рабочих и крестьян», создававшими, в свою очередь, питательную среду для воспроизводства – как собственной противоположности – исторического мифа антикоммунизма.

Переплетение исторических судеб России и Италии обнаруживало себя и в великом международном противостоянии XX века между фашизмом и антифашизмом: той же Италии принадлежало и фактическое, и символическое первенство среди стран, избравших тоталитарную форму правления крайне правого толка, в то время как России была уготована роль естественного центра притяжения, опять-таки сколь фактического, столь и символического, для значительного потенциала антифашистских сил¹⁰. Как, впрочем, и много позже, десятилетия спустя, согласно выводам отечественной итальянистики, крах советской государственности в начале 90-х годов обернулся цепной реакцией очередного глубокого кризиса государственности итальянской, оказавшегося теперь уже следствием гораздо более выраженной, чем в прежние исторические времена, глобальной взаимообусловленности мира¹¹.

identity of terrorism // Ivi. P. 5–7.

⁵ См.: La sfida al G8. Roma, 2001; Fonio C. I movimenti collettivi nell'epoca della globalizzazione. *I no global in Italia* // Studi di sociologia. 2004. N. 2. P. 211–239.

⁶ См.: Jamieson A. The Antimafia. Italy's Fight against Organized Crime. New York, 2000.

⁷ См.: Левин И. Итальянский кризис в зеркале российского // Сегодня. 1996. 20 июня. С. 5.

⁸ См.: Коломиец В. Самостийная Падания. Новое государство на карте Европы // Megapolis-Kontinent. 1996. N. 40. С. 4; Яхимович З. Левый центр у власти: итальянский опыт // Форум: Политический процесс и его противоречия / Гл. ред. Т. Тимофеев. М., 1997. С. 216–237; Коломиец В. Левоцентризм по-итальянски // Megapolis-Kontinent. 1998. N. 46. С. 4; Яхимович З. П. Левые демократы в обновленной партийной системе Италии // Европейские левые на рубеже тысячелетий / Отв. ред. В. Я. Швейцер. М., 2005. С. 209–217; Вялков Ю. А. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX века) // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 24–36; Левин И. Б. В урне – пепел демократии? // Полития. 2009. № 2. С. 102–140.

⁹ См.: Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. Эволюция социально-политического сознания трудящихся в 1945–1985 гг. М., 1989. С. 27–43.

¹⁰ См.: Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria-Bari-Roma, 2007. P. 89–136.

¹¹ См., например: Левин И. Б. Размышления об итальянском кризисе. С. 44–47.

При такой очевидной, вошедшей в норму «прерывистости» национального исторического процесса проблема преемственности между его различными фазами, или «связи времен», если употребить известную литературную формулу, их «совместимости» и способов «совмещения» постоянно сохраняет свою актуальность, накладывая глубокий отпечаток на политическую жизнь, общественную мысль и общественные устроения. Именно поэтому, быть может, наиболее адекватный политический образ подобного «прерывисто», с особым динамизмом развивающегося общества, каковым со всей очевидностью является итальянское, воплощает в себе его историческое сознание. Благо что Италия, сыгравшая неординарную и незаурядную роль в европейской цивилизации, – страна чрезвычайно давнего, богатого драматическими коллизиями исторического прошлого, породившего великие исторические мифы античной древности, Возрождения, а в Новое и Новейшее время – Рисорджименто и Сопротивления¹². Отсюда вытекает, представляясь более чем правомерной и оправданной, гипотеза относительно его очевидной «небесследности» для современной Италии.

Допущение, лежащее в основе этой гипотезы, при всей его умозрительности на первый взгляд кажется логически совершенно безупречным, но при ближайшем рассмотрении, как то нередко бывает, требует особого обоснования. Действительно, с одной стороны, историческое сознание – категория историописания, утвердившаяся в европейской исторической культуре еще в эпоху Нового времени¹³. Однако в сегодняшней Италии, с другой стороны, – научная категория не очень известная, вплоть до того что иногда даже в профессиональной среде историков это словосочетание «*coscienza storica*», представляющее собой кальку с русского «историческое сознание», воспринимается – за относительно редкими исключениями¹⁴ – либо с сомнением, либо чуть ли не вообще с отрицанием.

Что в практике репрезентации прошлого, в языке науки и научно-популярного знания она не слишком продуктивна и парадоксальным образом остается маловостребованной, автор этих строк имел возможность убедиться на собственном опыте: при подготовке статьи к изданию в одном итальянском историческом журнале в процессе неизбежного в таких случаях редактирования ему пришлось столкнуться с заменой категории «историческое сознание», присутствовавшей в первоначальном варианте, на гораздо менее точную и расплывчато-неопределенную категорию «историческая культура» («*cultura storica*»)¹⁵. Наконец, еще одно косвенное подтверждение малой распространенности этой категории в итальянском историописании – новейшее исследование итальянского историка Марио Мьедже, хотя и специально ей посвященное, но, словно бы заранее допуская необходимость дополнительных разъяснений на данный счет, симптоматично озаглавленное вопросом: «Что такое историческое сознание?»¹⁶

По своей дисциплинарной принадлежности проблематика исторического сознания формально и традиционно включена прежде всего в предметное поле историографии. Но одновременно она с не меньшей обоснованностью может быть отнесена и к сфере компетенции политической науки, обнаруживая при этом некоторые признаки и свойства политических технологий, с помощью и посредством которых вершится политика памяти. Празднование памятных исторических дат, информационные поводы, возникающие на медийном уровне и

¹² См.: Яхимович З. П. Национальная идея и ее роль в генезисе и трансформациях итальянской государственности и нации в XIX–XX вв. // Национальная идея: страны, народы, социумы / Отв. ред. Ю. С. Оганисян. М., 2007. С. 95–115.

¹³ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М., 2005. С. 189.

¹⁴ См.: Bologna F. La coscienza storica dell'arte d'Italia. Torino, 1982; Galasso G. Storia d'Italia e coscienza storica dell'arte in Italia // Rivista storica italiana. 2006. Fasc. I. P. 178–187.

¹⁵ См.: Kolomiez V. La ricerca storica dei tempi della *Perestrojka*: un primo bilancio della “nuova storia” nella ex-Unione Sovietica // In/formazione. 1992. N. 22. P. 3–4.

¹⁶ См.: Miegge M. Che cos'è la coscienza storica? Milano, 2004.

навеянные теми или иными событиями прошлого, популяризация исторических знаний в просветительских целях – все это в силу своей «политтехнологичности» может найти свое осмысление и объяснение с точки зрения все той же политической науки.

Сопредельность политической науки с историей имеет первостепенную важность, поскольку, несмотря на все новейшие историографические изыски, большую часть знания о прошлом, находящегося в обращении, как научного, так и научно-популярного, составляет именно политическая история. Последняя неизменно доминирует в историописании, так как его содержание, вне зависимости от принадлежности исследования к тому или иному историческому жанру, в конечном счете сводится к истории конфликтов¹⁷. При таком господствующем векторе исторического познания категория «историческое сознание», по самому ее определению, может как нельзя более органично встроиться в систему современного историописания, оказываясь в то же время соотносимой и с категориями политической науки. Ибо историческое сознание, по справедливому замечанию его итальянского исследователя Марио Мьедже, всегда ассоциируется с риторической фигурой «воинственности»¹⁸, то есть социальных конфликтов. Эта ассоциация, как отмечалось, естественным образом возникает применительно к Италии, где социальная конфликтность традиционно имеет особенно острый и затяжной характер, что еще раз подчеркивает актуальность категории «историческое сознание».

Справедливо предположить, что историческое знание, адресованное сообразно этим регламентирующим политическим технологиям массовой аудитории, как и результаты ее собственных познавательных усилий по формированию своей собственной – народной историографической субкультуры, окажутся существенно иными, а «дилетантски» реконструированный образ прошлого во многих случаях будет контрастировать с научными историческими представлениями, созданными академической историографической субкультурой. Да и по своему функциональному назначению такой политический образ прошлого, осмысленный как исторический опыт, актуальный как для нынешних, так и для последующих времен, хотя и не всегда освященный высоким авторитетом исторической науки или иных сфер деятельности, специализирующихся на популяризации истории, будет более прикладным, максимально нацеленным на «сообщаемость» с настоящим.

Историческое сознание, фиксирующее этот образ прошлого, становится фактором современной политики, обнаруживая себя, где в скрытом, а где в явном виде, в таких ее феноменах, как политические ценности, политические ориентации, политическое поведение, формирующих и воспроизводящих политические институты общества, а в конечном счете и его государственность¹⁹. В этом процессе созидания государственности историческое сознание выполняет важную элементообразующую функцию, в значительной мере предопределяя ее – государственности – облик, пути развития и исторические судьбы²⁰.

Долгое время в нашем отечественном политическом языке понятие «государственность» выглядело почти что анахронизмом, а случаи его употребления были довольно редки, ограничиваясь по большей части раннеисторическими временами. «Ренессанс» и самый настоящий «бум» востребованности понятия «государственность», определяемого, к примеру, как *«относительно жестко закрепленные институциональные основы политических систем»*, своего

¹⁷ См.: Кушёва М. В., Саприкина О. В., Смирнова Е. В. Международная конференция «Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте» // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 248.

¹⁸ Intervista a Mario Miegge su *Che cos'è la coscienza storica?* URL: http://www.feltrinelli.it/SchedaTesti?id_testo=1318&id_int=1236 (дата обращения: 15.02.2005).

¹⁹ См.: Canfora L. *L'uso politico dei paradigmi storici*. Roma-Bari, 2010.

²⁰ См.: Историческое сознание в современной политической культуре. (Материалы «круглого стола») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 108; Глебова И. И. Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М., 2006; *Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond* / Bo Stråth (ed.). Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt/M.; New York; Wien, 2000; Boia L. *History and Myth in Romanian Consciousness*. Budapest; New York, 2003; Gardner Ph. *Hermeneutics, History and Memory*. London and New York, 2010.

рода рамка, или костяк, *обеспечивающая структурное единство и целостность* несравненно более широкой, разнообразной и подвижной *политики*»²¹, наступил все в те же перестроечные и постперестроечные годы, ввергнувшие советскую государственность в состояние глубокого кризиса, завершением которого стала ее замена государственностью российской. Этот императив переоснования государственности, произведенного в начале 90-х годов, во многом выводился из необходимости достижения упорядоченных, сбалансированных отношений между государством и гражданским обществом²².

С учетом обусловленности итальянской истории историей российской сходная концептуальная схема, выражающая политический процесс в терминах Великой реформы государственности, а на деле – ее переоснования, в известной мере обнаруживает свою применимость и к тому периоду истории Италии, который приходится и на завершающие десятилетия XX в.²³, и на самое начало следующего столетия. Перипетии новейшей истории итальянской государственности не обходились без извлечения из исторической памяти общества образов давнего и недавнего прошлого, без выстраивания исторических аналогий и соответствий, призванных утвердить либо оспорить существующие государственные устои. То есть, иными словами, историческое сознание неизменно проявляло себя в своей естественной роли и функции неотъемлемого элемента государственности.

Рассмотрение проблемы государственности, соотнесенной с историческим сознанием, выводит, в свою очередь, на уровень исследования политической жизни как воплощения человеческого «измерения» политики, человеческой субъективности в истории. В традиции западной политической науки под понятие «политическая жизнь» обычно подводится максимально широкий круг политических явлений, политические отношения и институты в их совокупности. Тем же обобщающим смыслом, к тому же терминологически менее регламентированным, оно наделено и в языке нашей отечественной политики и науки. При этом, однако, и на Западе, и в России утверждается иной исследовательский подход, придающий «политической жизни» строго категориальное значение, согласно которому ее ассоциируют прежде всего с неинституциональными и «затененными» формами политики²⁴. Сродни последним оказывается, по-видимому, такой феномен исторического сознания, как исторический миф, который, с одной стороны, имеет стихийно-иррациональную, «затененную» природу, а с другой – обнаруживает в себе явные и неявные признаки рационального воздействия – политических технологий, используемых для его сотворения и воспроизводства. Иными словами, еще одна логическая связка – «историческое сознание – политическая жизнь» – также представляет собой немалый исследовательский интерес с точки зрения соотносимости категорий историописания и политической науки.

В данном своем качестве, то есть будучи отнесенной к предметному полю политической науки, категория «историческое сознание» представляется наименее исследованной. Как одна из актуальных проблем общественнознания, разрабатываемых в сфере историографии, исторической философии, исторической социологии, она заслуживает своего безусловного рассмотрения в соотнесении с такими политологическими категориями, как политическая культура, государственность, политические технологии, политическая жизнь. Этот исследовательский подход представляется особенно продуктивным применительно к Италии – стране, как и Россия, одновременно и далекой, и близкой от нее, по определению «исторической».

Хронологически исследование отнесено к современности – эта периодизационная категория как национальной, так и всемирной истории, сопрягающая историческое время и

²¹ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 187.

²² Ср.: там же. С. 201–202.

²³ См.: Левин И. Б. Указ. соч.; его же. Размышления об итальянском кризисе. С. 51.

²⁴ См., например: Демидов А. И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // Полис. 2002. № 3. С. 156–162.

пространство, широчайшим образом используется и в общественном знании, и в политической повседневности, будучи между тем, к примеру, в традиции марксистского историзма советской эпохи, да и других направлений исторической мысли, достаточно размытой и лишенной сколько-нибудь выраженной научной строгости. При таком устоявшемся, хотя и далеко не единственном подходе, отличающем наше отечественное историописание, современность обычно ассоциируется с событиями, максимально приближенными к сегодняшнему дню или – в расширительном значении этого слова – пришедшимися на время жизни нынешних поколений.

Несколько иным образом дело обстоит в практике западной, и в частности итальянской, исторической науки, оперирующей категорией «современная история», – некоторым аналогом «новейшей истории», принятым по сей день в периодизационной схеме нашей историографии, основанием которой длительное время служил марксистский историзм. «Современность» обретает тем самым должный категориальный статус в сфере научного исследования, узаконивая себя как полноправный элемент исторической периодизации.

В пределах современности приоритет, сообразно со сложившейся западной традицией историописания, наделяющей начало и конец столетия почти мистическим содержанием²⁵, отдан концу века – в данном случае века двадцатого, его завершающим десятилетиям, на которые пришлись события-символы, словно бы подводившие исторический итог целой эпохи. В бурный водоворот тех событий, составивших общую историю Италии и России, оказались вовлеченными, с разными для себя последствиями, обе страны. Естественно, что представления о современности страдали бы очевидной неполнотой, если бы повествование не распространялось на начало века последующего – века двадцать первого, который, однако, хотя и открыл новое тысячелетие, пока всего лишь продолжает тенденции своего предшественника и еще не утвердился в качестве новой и самостоятельной историографической категории.

²⁵ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. В двух томах. Т. 1. Конструирование прошлого. С. 554–555.

I. Историческое сознание как исследование в области италянистики

Эмпирические основания

В научном историописании эмпирическое понимается либо традиционно – как исторический источник, либо в более современном смысле слова – как информация²⁶. В социологии таким аналогом эмпирического знания служит со всей очевидностью первичная социологическая информация. Своя эмпирическая составляющая есть и у политической науки, хотя в силу относительной молодости последней, незавершенности в разработке ее категориально-понятийного аппарата она еще не обрела сколько-нибудь однозначно точного, устоявшегося наименования. Как бы то ни было, во всех случаях под эмпирическими основаниями исследования обычно подразумевается средоточие первичного знания, представленного в первозданном виде, не исследованного, как правило, на предмет его достоверности, а если все-таки и подвергнувшегося предварительной аналитической обработке, то в минимальной степени. Естественным образом свой эмпирический «срез» имеет и проблема исторического сознания.

Длительное время проблема реконструкции исторических представлений, бытующих на массовом уровне, располагалась словно бы вне сферы научного исторического познания, ожидая своего адекватного решения на путях разработки весьма специфического познавательного инструментария. Ибо историческое мировидение «человека с улицы» уже в самом своем принципе есть история «некнижная» – так трудноуловимы ее образы, которые если и остаются запечатленными какими-либо историографическими источниками, то, как правило, весьма спорадично, фрагментарно и не слишком надежно в плане их достоверности. «Летучесть» такого исторического знания, практически не подлежащего письменному, «книжному» отображению, неумолимо обрекает его на быстрое и во многих случаях бесследное исчезновение. Вот почему даже современное высокоинформатизированное общество поставляет столь немного сведений об этой стороне своей жизни²⁷.

Возможность зафиксировать эти «бесписьменные» версии прошлого, вобравшие в себя подобное переживание социального времени, нередко более чем далекое от научности восприятие истории, открылась только с возникновением демоскопии – специальной дисциплины, занимающейся изучением общественного мнения.

В Италии, как и в соседней Германии, зарождение демоскопических методов исследования датируется последним десятилетием XIX в. Первые массовые опросы того времени – тексты массового сознания, – будучи уникальными как по своему методу, хотя и весьма несовершенному, так и по полученным результатам, не идут, разумеется, ни в какое сравнение с современной высокоразвитой «индустрией» социологического зондирования, играющей существенную роль в выявлении политических настроений, в прогнозировании политического поведения массовых социальных слоев и групп.

Однако уже в ту пору была заложена или, по меньшей мере, продекларирована в качестве основополагающего принципа первых демоскопических опытов их независимость от каких бы то ни было целей политического или партийного характера. И тогда же организаторам опросов общественного мнения было суждено принять на себя огонь ожесточенной критики, в чем-то

²⁶ См. подробнее: Савельева И. М., Полетаев А. В. История в пространстве социальных наук // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 9–11.

²⁷ См.: Историческое сознание в современной политической культуре. С. 92; Il futuro della memoria: la trasmissione del patrimonio culturale nell'era digitale / CSI-Piemonte. Torino, 2005.

обоснованной, а в чем-то и надуманной, глухие отголоски которой слышны порой и сегодня. В частности, те, кто оспаривал первые начинания итальянской социологии общественного мнения, будучи людьми весьма искушенными в политике, не могли довольствоваться простой верой на слово, которая в силу несовершенства методов идентификации общественного мнения, приемов интерпретации опросных данных по сути дела предлагалась тогдашними демо-скопическими исследованиями.

Более того, критики демоскопии прозорливо и обоснованно усматривали в ней новое, небывало мощное средство манипулирования избирателями, способное усугубить состояние несвободы политического выбора. К тому же многие потенциальные респонденты почитали опасным откровенное публичное оглашение собственных политических взглядов, тем более в обществе, организованном по мафиозному принципу. А такого рода соображения значили очень много в Италии конца XIX – начала XX в., где демократизм всего политического уклада был весьма относителен и волеизъявление граждан по политическим вопросам сплошь и рядом подвергалось деформирующему воздействию традиционных общественных структур и репрессивного аппарата государства.

Открытая декларация политических предпочтений, если они расходились с интересами какого-нибудь влиятельного нотабля из когорты власть имущих, могла низвести гражданина до положения социального изгоя, подвергаемого всеобщему остракизму, если не, того более, спровоцировать против него при существовавшем жестком социальном контроле даже некие карательные санкции.

Наконец, была еще одна, по-видимому, достаточно распространенная причина возникновения негативной реакции на демоскопические методы исследования в либеральной Италии. В обществе чрезвычайно консервативном, отягощенном бременем корпоративно-иерархических предрассудков, попытка проникнуть в чужой образ мыслей, критически оценить его столь новым, необычным, даже в чем-то вызывающим способом, воспринималась не иначе как посягательство на самую суть господствующих этических норм. Все эти обстоятельства в своей совокупности консолидировали тот барьер предубеждений, на который неизменно наталкивались инициативы зачинателей итальянской демоскопии²⁸.

При том что историческая тема не была предметом специального рассмотрения в первых зондажах общественного мнения, ее присутствие там достаточно очевидно. Иногда она заложена в самих вопросах социологической анкеты, но чаще история стихийно представлена во мнениях респондентов, логика рассуждений которых, например, о социализме или о милитаристской угрозе, о допустимости участия социалистов в правительстве или о националистических настроениях, неизбежно выводила их на уровень тех или иных, часто неожиданных исторических ретроспекций²⁹.

Эти первые демоскопические опыты, многообещающие с точки зрения будущего социологии политики, зиждились, однако, всецело на энтузиазме дилетантов, в то время как академическая наука не обнаруживала даже каких-либо признаков осведомленности на данный счет. Хотя научная мысль в области той же социальной статистики, ее сбора методами мас-

²⁸ См.: Коломиец В. К. Опросы общественного мнения как источник для изучения политических ориентаций итальянцев в конце XIX – начале XX в. // Рабочий класс в мировом революционном процессе 1983 / Отв. ред. А. А. Галкин. М., 1983. С. 256–269; Idem. Libertà, uguaglianza, fraternità nella coscienza di massa in Italia e in Russia alla fine del XIX secolo // Libertà e cittadinanza sociale. I due '89: dalla Rivoluzione francese alla Seconda Internazionale / Scritti di F. Bonamusa... Fondazione Feltrinelli. Quaderni/41. Milano, 1991. P. 63–65.

²⁹ См.: Inchiesta sul Socialismo // Vita Moderna. 1894. N. 18, 21–22; I codicilli della nostra Inchiesta sul Socialismo // Vita Moderna. 1894. N. 23–25; Il Socialismo Giudicato da Letterati, Artisti e Scienziati italiani, con prefazione di Gustavo Macchi. Milano. 1895; La nostra inchiesta // La Vita Internazionale. 1898. N. 5. P. 129–130; La nostra inchiesta sulla guerra e sul militarismo // La Vita Internazionale. 1898. P. 213–215, 248–249, 281–283, 346, 378–379; Bios. Pagine compilate da E. A. Marescotti. Anno I (1902/03). Milano, 1903; Inchiesta sulla partecipazione dei socialisti al governo // Il Viandante. 1909. N. 28–30; 1910. N. 1–3; Il Nazionalismo giudicato da Letterati, Artisti, Scienziati, Uomini politici e giornalisti italiani. Genova, 1913.

сового опроса (переписи населения, парламентские расследования и т. п.) вовсе не производила впечатления полной застойности. Как не была застойной и более специализированная сфера электоральной статистики – созданные на ее основе первые исследования, с трудом преодолевая препоны и ограничения, неизбежно вменявшиеся цензовой избирательной системой, реконструировали достоверную картину развития электорального процесса, по крайней мере в некоторых его аспектах.

И в целом интеллектуальная среда, сложившаяся в Италии на рубеже XIX и XX веков, при всех необходимых оговорках тем не менее поощряла движение науки в направлении изучения массовидных социально-политических процессов. Стимулом к тому были особенности национальной политической культуры, определявшие низкий уровень легитимности власти – почти узурпаторской, по убеждению широкого фронта оппозиционных ей правых и левых политических сил. Нелегитимной, с точки зрения либерального государства, вышедшего из Рисорджименто, была и оппозиция, которой со стороны «партии власти» воздавалось столь же бескомпромиссным и категоричным непризнанием. Оппозиционные силы, не имевшие полноценных институтов социальной борьбы и социального давления, оказывались тем самым обреченными на антиэлитистское противостояние власти³⁰. Сложившаяся ситуация неуправляемости общества настоятельно требовала своего преодоления на путях поиска адекватных механизмов взаимодействия властного меньшинства и подвластного ему большинства.

Этим историческим императивам пытались ответить – и не без видимого успеха – элитологические исследования Вильфредо Парето, Гаэтано Моски, Роберта Михельса, составившие одно из самых перспективных направлений классической социологии политики³¹. Не менее успешными оказались и попытки, предпринятые фигурами иного масштаба научного дарования: Шипио Сигеле, Гульельмо Ферреро, Этторе Чиккотти, – сумевшими в первом приближении дать теоретическое обоснование феномену массы, как и производному от него – массового сознания. То были в Италии первые социологи, исследовавшие механизмы объединения индивидов в большие и малые социальные группы, трансформации индивидуального сознания в групповое и массовое, способы достижения психологической и поведенческой целостности той или иной общности в процессе групповых контактов. Значение их научных идей, предвосхищавших возможности для манипулирования массовым сознанием, оказалось неопределимым на протяжении всего XX в. с наступлением эпохи массового политического участия – выходом на общественную арену массовых политических партий как демократического, так и авторитарно-тоталитарного толка³².

Изучению демоскопических источников в трудах социологов-классиков – при всем их интересе к массовому и массовидному – отводилось место более чем маргинальное. Впрочем, последующие десятилетия итальянской истории еще менее благоприятствовали занятиям демоскопией. С утверждением у власти фашизма демоскопические исследования, хотя и практиковавшиеся, были, однако, втиснуты в прокрустово ложе официальных ограничений, запретов, цензуры и самоцензуры, что существенным образом затормозило развитие этой научной дисциплины. Демоскопия, исходившая из признания множественности мнений, изначально

³⁰ См.: Коломиец В. К. Начало нового этапа идейной борьбы...

³¹ См.: Владимиров А. В. Итальянская школа политической социологии (традиции и современность) // Социологические исследования. 1976. № 4. С. 174–184; Култыгин В. П. Классическая социология. М., 2000. С. 244–307; Kolomijec V. Michels, Robert (1876–1936) // A nemzetközi munkásmozgalom történetéből. Évkönyv 2012. XXXVIII. évfolyam. Budapest, 2011. 312–314. old.

³² См.: Sighele S. Contro il parlamentarismo. Saggio di psicologia collettiva. Milano, 1895; Idem. Morale privata e morale politica. Nuova edizione de La delinquenza settaria, riveduta ed aumentata dall'autore. Milano, 1913; Idem. I delitti della folla studiati secondo la psicologia, il diritto e la giurisprudenza. Torino, 1923; Ferrero G. Potere / A cura di Gina Ferrero Lombroso. Milano, 1959; Ciccotti E. Psicologia del movimento socialista. Note ed osservazioni. Bari, 1903; Попов В. А. Психология толпы по Тарду, Сигеле, Ломброзо, Михайловскому, Гиддингсу, Г. Лебону и др. М., 1902; Грушин Б. А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.

противоречила тому принципу тоталитарной унификации духовной жизни общества, который навязывал господство лишь немногих, «нормативно» допустимых, угодных власти, а потому обязательных для всех граждан точек зрения на окружающую действительность³³.

Возрождение практики массовых опросов населения, а вместе с нею и прогресс в области демоскопии и социологии политики стали возможными с крахом фашизма, утверждением демократических норм и процедур, становлением республиканской государственности. Выход на политическую арену массовых партий, определяющим критерием влияния которых становились выборы разного уровня, требовал «высокотехнологизированного» оснащения избирательных кампаний, немыслимых впредь без регулярных социологических замеров общественного мнения.

Прогрессирующая американизация, которой подвергалась политическая культура Италии в первые послевоенные годы, имела одним из своих последствий «импортирование» методов, опыта и достижений западной, и в частности американской, социологии политики, связанной прежде всего с именем Джорджа Гэллапа, что способствовало воссозданию итальянской традиции исследований в данной области. Кстати, достоинства и перспективность этого направления в современном обществоведении отмечал еще в конце 1945 г. Луиджи Эйнауди, видный представитель интеллектуальной элиты, будущий президент Италии: «Существует лишь единственный в своем роде метод, который продемонстрировал возможности осуществления точного зондирования тенденций развития общественного мнения. Это американский метод, известный как метод Гэллапа...»³⁴ Эти слова до сих пор вынесены в эпиграф «Боллеттино делла ДОКСА» – периодического издания ДОКСА – Института статистических исследований и анализа общественного мнения, представляющего Италию в организации «Международные исследовательские институты Гэллапа».

Модернизация, перспективы которой открылись перед итальянским обществом в послевоенный период, неизбежно и во многом предполагала сведение политики к политическим технологиям, что вменяло действующим политическим силам новые правила игры, требуя от них инвестирования в политическую деятельность гораздо большего, чем прежде, интеллектуального и финансового ресурса. Благо к тому времени богатый американский опыт «технологизации» политики уже принес свои плоды на итальянской почве, будучи не без видимого успеха использован «партией власти» – «Христианской демократией» и ее союзниками – в практике первых послевоенных избирательных кампаний. В отечественной итальянистике эта модернизаторская роль американского фактора в итальянской политике долгое время по известным причинам идеологического свойства замалчивалась, получая односторонне тенденциозную трактовку, делавшую акцент исключительно на пагубности американской экспансии для Италии, ее вассальной зависимости от заокеанского партнера³⁵.

Действительно, образ американского врага, особенно в годы начала «холодной войны», принадлежал к числу самых ярких и убедительных аргументов советской пропаганды, определяя собой на длительную перспективу систему подходов и оценок, принятых в исторических исследованиях³⁶. Между тем в той же Италии развитие демоскопии, заимствованной в ее американском варианте, неуклонно шло своим чередом. Причем первостепенный интерес, как было уже отмечено, вызывали к себе именно прогностические функции демоскопического

³³ См.: Васильцов С. И. Рабочие партии и выборы в Италии 1953–1976 гг. М., 1978. С. 5–6; Его же. Рабочий класс и общественное сознание. Коммунисты в социально-политической структуре Италии. М., 1983. С. 8; Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 32, 39; Rinauro S. Storia del sondaggio d'opinione in Italia, 1936–1994. Dal lungo rifiuto alla Repubblica dei sondaggi. Venezia, 2002.

³⁴ См.: Bollettino della DOXA. Anno I–LIV.

³⁵ См., например: Варец П. А. Рим и Вашингтон. История неравного партнерства. М., 1983; Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... P. 169–173.

³⁶ См.: Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.

знания, позволявшие так или иначе предсказывать то соотношение политических сил, которое определялось исходом выборов. Соответственно и социологическое зондирование чаще всего проводилось по тематическим направлениям, имевшим по преимуществу сугубо прикладной смысл и значение.

Однако уже тогда, на рубеже 40–50-х годов, предпринимались первые зондажи общественного мнения на исторические темы, в результате которых была выявлена, например, степень массовой осведомленности относительно наиболее известных персонажей итальянской и мировой истории. Правда, на фоне приоритетов демоскопии, приземленно-практических по своей сути, это появление истории в качестве объекта социологических наблюдений и замеров было пока не более чем следствием поверхностной любознательности организаторов опросов, а никак не результатом их устойчивого научного интереса³⁷.

С течением времени историческая проблематика, по которой производился зондаж общественного мнения, становилась все более насыщенной, тематически богатой и разнообразной, хотя исследования подобного рода имели спорадический характер. Такая ситуация сохранялась вплоть до начала 80-х годов, когда интенсивность изучения массовых исторических предпочтений резко возросла.

На сегодняшний день в данной области исследований специализируется целый ряд демоскопических служб Италии, в числе которых ДОКСА – Институт статистических исследований и анализа общественного мнения, «Макно», «Монитор», Ассоциация «ИАРД», Институт политических, экономических и социальных исследований, Итальянский центр исследований – Итальянский институт общественного мнения, «СВГ», «Компутель», «ДМТ-Телемаркетинг» и др.

В основу проводимых ими исследований, по определению независимых и стоящих вне политики, положен уже упомянутый метод Гэллапа – метод статистического зондажа, или репрезентативной выборки. Он состоит в фиксации посредством интервьюирования мнений от 500 до 2000 респондентов, пропорционально представленных по историческим областям, социальному положению, возрасту и являющих собой, таким образом, уменьшенную «копию» всей Италии. Еще раз отдавая должное ранней итальянской демоскопии конца XIX в., отметим, что уже в ней присутствовали интуитивные представления о генеральной и реальной совокупностях, а также, опять-таки на чисто интуитивном уровне, осознание проблемы репрезентативности выборки, которое проявлялось в попытках членения массы респондентов по возрастному и профессиональному признаку. Однако подлинную научность демоскопические исследования обрели лишь с использованием в них метода Гэллапа.

Соблюдение условий репрезентативности выборки уже решает задачу внутренней критики демоскопического источника, то есть определения степени достоверности его содержания, во всяком случае в той части, которая касается установления количественных параметров разного рода общностей, приемлющих ту или иную версию событий прошлого.

Той же количественной стороне дела, или, иными словами, результатам статистической обработки опросных данных, отдавалось предпочтение в первых научных трудах, посвященных исследованию общественного мнения³⁸. Такой подход к публикации опросов в корне отличался от соответствующих принципов итальянской социологии общественного мнения на рубеже XIX и XX веков, ставившей во главу угла сохранение первозданной – вербально-нарративной – формы демоскопического источника, изобиловавшего пространными рассуждениями респондентов. А статистический анализ, даже в тех случаях, когда он присутствовал, ограничивался всего лишь немногими и весьма незамысловатыми арифметическими операциями.

³⁷ См.: Историческое сознание в современной политической культуре. С. 92.

³⁸ См., например: Luzzatto-Fegiz P. Il volto sconosciuto dell'Italia. Dieci anni di sondaggi DOXA. Milano, 1956.

Вербально-нарративная демоскопия имела свои бесспорные плюсы и преимущества, позволяя точнее судить, например, о живом восприятии истории, которое во многом скрадывалось, а то и просто утрачивалось, когда его заменяла схематизированная, предельно формализованная картина сухих статистических выкладок. Видимо, поэтому время от времени в изданиях демоскопического материала, в том числе и посвященного историческим сюжетам, наряду с обычной в подобных случаях статистикой стала появляться в качестве неотъемлемого составного элемента собственно текстовая часть – более или менее обширные выдержки из интервью респондентов, – являющая собой историческое повествование, выполненное в новом и все более популярном в современной историографии жанре устной истории³⁹.

На формирование этой базы демоскопических источников в немалой степени воздействует чисто потребительское восприятие истории, каноны и стандарты которого уже длительное время навязываются обществу массовой культурой. В контексте последней историческое познание призвано служить не более как средством заполнения досуга, нередко даже видом простого развлечения, и подобной логике вынуждена изначально следовать историческая демоскопия. Тем и объяснима нарочито занимательная форма демоскопических исследований, зондирующих массовые исторические предпочтения, отличающая порой уже сами вопросы социологической анкеты. Например, они предлагают респонденту совершить воображаемое путешествие в прошлое на машине времени или все той же игрой смелого воображения представить себе встречу и продолжительную беседу с каким-либо великим деятелем давней или недавней истории.

Наконец, та же популяризаторская функция, которая отводится историческому знанию и познанию, предопределяет по преимуществу научно-популярный характер статей по исторической демоскопии, чаще всего появляющихся на страницах изданий типа еженедельников-таблестов «Эспрессо» или «Панорама», адресованных самой массовой читательской аудитории. И в том же неизбежная причина недостатков этой публицистики, обусловленная жесткими законами научно-популярного жанра, – нерегулярности появления в печати, неполноты и фрагментарности приводимых демоскопических данных, сплошь и рядом весьма произвольно отобранных⁴⁰.

Демоскопические методы исследования исторического сознания, пусть спорадически, но практикуемые ведущими службами общественного мнения, стали применяться не только профессионалами от демоскопии, но и дилетантами от нее. То были, как правило, импровизированные опросы, ни в коей мере не отвечавшие требованиям репрезентативности выборки, чаще всего ограниченной пределами какой-либо одной специфической социальной группы, будь то, например, школьники или студенты⁴¹.

Естественно, что достоверность и надежность той информации, которую заключали в себе подобного рода демоскопические источники, со всей очевидностью не имеющие возможности и претендовать на статус социологического исследования, оказывались в известной мере относительной, как, впрочем, и общая картина исторических предпочтений, реконструируемых на их основе.

³⁹ См., в частности: *Il tempo dei giovani. Ricerca promossa dallo Iard, condotta da A. R. Calabrò, A. Colucci, G. Leccardi, M. Rampazi, S. Tabboni / a cura di A. Cavalli. Bologna, 1985.*

⁴⁰ См.: Коломиец В. К. Историческая преемственность и массовое сознание в Италии 80-х годов // *Рабочий класс в мировом революционном процессе 1987 / Отв. ред. А. А. Галкин. М., 1987. С. 204.*

⁴¹ См.: Bertoluzzi C. I nati dopo. 1003 studenti delle scuole medie superiori rispondono su “fascismo e antifascismo” // *Il Ponte*. 1965. N. 3–4. P. 389–527; Cederna C. La Resistenza? È una cosa del ferro da stiro // *L'Espresso*. 1970. N. 23. P. 14–15; Arcuri C. La Resistenza? Somiglia a un film western // *L'Espresso*. 1979. 19. P. 30; Stampa C. 40 anni dopo possiamo dirci vaccinati? // *Epoca*. 1982. N. 1679. P. 42–44, 46, 49, 51; Come giudicano i giovani di oggi le conquiste democratiche della Resistenza? / A cura di Renzo Vanni // *Patria indipendente*. 1985. N. 8. P. 13–16; Riva V. Mettiamoci una croce sopra // *Epoca*. 1987. N. 1934. P. 134–135, 137, 139; I ventenni e lo sterminio degli ebrei. Le risposte a un questionario proposto presso la Facoltà di Lettere di Torino / a cura di Fabio Levi. Torino, 1999; Гайдук В. П. Проблемы образования в Италии // *Новая и новейшая история*. 1999. № 5. С. 209–214.

В свете этого отнюдь не безынтересны реминисценции прежнего недоверия и даже подозрительности к демоскопии, столь памятные по критическим выпадам против зондажей общественного мнения на рубеже XIX и XX веков, которые довольно неожиданно возникли, например, уже на исходе 70-х годов при проведении опроса среди генуэзских школьников об их отношении к Сопротивлению. Суровые критики этой инициативы, якобы «более чем неуместной и дискриминационной»⁴², в числе которых выступили некоторые общественные организации и депутаты парламента от «Христианской демократии», усмотрели в данном случае почти что непозволительную попытку сбора конфиденциальных сведений о политических настроениях граждан, будто бы, судя по логике этого предубеждения, рискующих стать жертвами каких-либо дискриминационных санкций если не полицейского, то во всяком случае морального характера.

Как бы то ни было, но и такого рода демоскопические источники при всей их уязвимости с точки зрения строго научных критериев исторической критики, равно как и соображений сугубо конъюнктурно-политического свойства, могут послужить существенным подспорьем в исследовании исторического сознания.

Свою особую ценность для воссоздания живой истории – образов прошлого, в роли носителя которых предстает среднестатистический «человек с улицы», – имеют также эпистолярные источники. Это письма в редакции наиболее читаемых газет и журналов, для которых обычно отводится постоянная рубрика. Иногда она предполагает диалог читателей с авторитетным, пользующимся широкой известностью журналистом, общественным деятелем или политиком, как, например, «Кабинет Монтанелли» в газете «Коррьере делла Сера», где на вопросы читателей, в том числе и по истории, отвечал старейший итальянский журналист, автор многих историко-публицистических сочинений, Индро Монтанелли. Искомая «связь времен», столь важная при исследовании исторического сознания, в этих эпистолярных источниках присутствует наиболее зримо, позволяя во многих случаях дополнить и по-новому, гораздо убедительнее интерпретировать порой весьма односложные, маловыразительные и лаконичные демоскопические данные.

Естественно, что с появлением электронных версий периодических изданий пространство такого диалога заметно расширилось: письма, которые прежде были единственной реакцией на какое-нибудь журналистское выступление, теперь вызывают цепную реакцию комментариев, иногда весьма пространных и многочисленных. Такого же рода возможностями расширенного обмена мнениями обладают и блогосфера, и форумы, в поле которых также имеют обращение идеи исторического прошлого.

Наконец, на какие-то скрытые грани исторического сознания могут пролить свет те экспертные оценки общественного спроса на историческое знание, прикладных функций исторической науки и ее популяризаций, с которыми время от времени выступают историки, журналисты, специалисты в области массовых коммуникаций. При том что подобные экспертизы не всегда отличаются должной объективностью и беспристрастностью, подчас тяготея к разного рода преувеличениям откровенно рекламного характера, они вместе с тем достойны внимания исследователя как источник, заключающий в себе по-своему примечательную историческую информацию.

Таким образом, база источников – от опросов общественного мнения до эпистолярных документов и экспертных оценок, – вобравших в себя сведения о различных феноменах исторического сознания, в большинстве случаев формировалась и по сей день продолжает формироваться случайно, отличаясь при этом крайней бессистемностью, осложняющей даже библиографический поиск в данной области исторического знания. В силу этого и в окончательной исторической реконструкции, в мозаичной картине массовых исторических представлений,

⁴² Arcuri C. Op. cit.

неизбежно фрагментарной и пестрящей пробелами, могут оказаться недопредставлены некоторые временами интересные и важные детали. Однако даже при том что эта база источников сплошь и рядом грешит многими и досадными несовершенствами, она достаточна для исследования исторического сознания современного итальянского общества.

Теоретические основания

Как и в Италии, категория «историческое сознание» продолжительное время обреталась на периферии нашего отечественного обществознания, будучи к тому же относительно недавнего происхождения. Действительно, поиски соответствующей статьи были бы, например, тщетны и напрасны даже в таком наиболее полном своде категорий и понятий исторической науки, каким до сих пор остается Советская историческая энциклопедия⁴³. Впрочем, даже там, где, как в некоторых обобщающих трудах М. А. Барга или И. Д. Ковальченко по методологии истории, содержится описание различных феноменов исторического сознания, сам этот термин неизменно и странным образом отсутствует⁴⁴.

Это упоминание об историческом сознании, одной из базовых научных категорий, и в специализированном энциклопедическом издании, и в фундаментальном научном исследовании, и в научно-дидактическом пособии достаточно показательно и менее всего объяснимо какими-либо небрежениями сугубо авторского или редакционного характера. Дело в том, что сообразно гласному и негласному разделению труда, сложившемуся в советском обществоведении, общественное сознание в целом традиционно относилось скорее к сфере научной компетенции исторического материализма. То есть дисциплины философской, которая, по понятиям своего времени, имела неоспоримый статус методологической основы общественных наук, а потому заведомо обеспечивала более высокий уровень идеологической ортодоксии, требуемой при освещении этой проблематики. Тем самым именно философы объективно располагали режимом наибольшего благоприятствования для исследований в данной области.

И не историк, а философ – им был Ю. А. Левада – еще в 60-е годы успешно дебютировал на поприще изучения исторического сознания, рассмотрев в первом приближении его специфику в рамках более широкой тематики общественного сознания. Этот научный дебют пришелся на годы ослабления режима культурной автаркии советского общества, совпав по времени с появлением исследования французского историософа, политолога и социолога Реймона Арона «Измерения исторического сознания», которое с громадным, чуть ли не полувековым запозданием недавно дошло наконец в русском переводе до отечественного читателя⁴⁵. Возможно даже, что творчество столь яркой интеллектуальной харизмы послужило определенным стимулом для нашей историософии и историографии, хотя вытекавшая отсюда синхронность в развитии отечественной и западной науки никоим образом не акцентировалась и не афишировалась все по тем же соображениям идеологического характера.

Во всяком случае, точным историографическим фактом является уже упомянутое совпадение: выход в свет в 1961 г. сочинения Арона об историческом сознании (как и более ранней его работы 1955 г. «Опиум интеллектуалов») и событие куда менее резонансное, уже в отечественной научной жизни, – семинар 1963 г. по философским проблемам обществознания в Институте философии АН СССР. Его материалы, изданные несколько позже, в том числе и доклад Ю. А. Левады об историческом сознании, в самом деле не содержат ссылок ни на одну именную работу Арона, ни на какие-либо иные историософские произведения этого автора.

Такая фигура умолчания объяснима тем, что в интеллектуальном противостоянии между Ароном и Сартром, которым была отмечена тогдашняя культурная жизнь Франции, советские идеологические инстанции предпочитали «правому» Арону «левого» Сартра, поскольку

⁴³ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6.

⁴⁴ См.: Барт М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Изд. второе, доп. М., 2003.

⁴⁵ См.: Aron R. Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961; Арон Р. Избранное. Измерения исторического сознания. М., 2004; Aron R. L'opium des intellectuels. Paris, 1955. Из работ других авторов более позднего времени см.: Lukacs J. Historical Consciousness. The Remembered Past. L., 1994.

последний оказывался как-то еще приемлем с точки зрения официальной ортодоксии. При этом, однако, не исключается, что в узком кругу участников философского семинара исследования Арона были все-таки известны если и не в оригинале и не полностью, то в каких-нибудь кратких переложениях с сакраментальным грифом секретности «рассылается по специальному списку»⁴⁶.

По определению, предложенному тогда Ю. А. Левадой и поныне сохраняющему свою научную ценность, категорией «историческое сознание» «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени»⁴⁷. Иными словами, «историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия «практических» и «теоретических» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных (последние, разумеется, выступают лишь с момента появления науки на общественной сцене)»⁴⁸.

Как бы то ни было, но уже на уровне этих простых дефиниций новое понятие, даже в версии философа, выдавало себя своей недостаточной, с точки зрения тогдашнего официального обществоведения, ортодоксальностью. Намек на некую самостоятельность «практических» форм социальной памяти – народного исторического сознания – вряд ли был позволителен, например, в том случае, когда приведенные определения вызывали цепь ассоциаций с советским периодом отечественной истории.

Действительно, в данном контексте народные представления о прошлом имели право на жизнь лишь в той мере, в какой они верно следовали «теоретическим» формам социальной памяти, постулатам ученого исторического сознания. История в ее народной интерпретации была позволительна, если только по своему строю, содержанию, расставленным акцентам она совпадала с суждениями и оценками официальной исторической науки. А коль скоро возможностей несовпадения, пусть даже чисто теоретически, исключить было нельзя, то, с позиций господствовавшей историографической ортодоксии, предложенная идея взаимодействия стихийного и научного в историческом познании обнаруживала в себе некий заведомый «изъян». Вот почему, по всей видимости, этой интересной научной наработке, отнесенной тогда к области философии истории, или историософии, несмотря на все ее формальные атрибуты «методологичности», не суждено было преодолеть узкие пределы своей отрасли знания и войти в широкий обиход исторической науки и обществознания в целом. Немало тому препятствовала еще и стойкая репутация фронды, долгое время сопровождавшая личность Ю. А. Левады – основателя нового научного направления.

Как бы то ни было, этот подход, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе, предполагал отмежевание от предвзято-умозрительных схем, традиционно господствовавших в советском обществознании, а теперь должны признать ценность эмпирического знания, по определению неидеологического, процессу институционализации которого, в частности в форме восстановления социологии как самостоятельной научной дисциплины, тогда и было положено начало. В более общем плане то действительно была первая брешь в прежнем привычном «апологетическом стиле социального мышления»⁴⁹, который столь горячо оспаривался со стороны научного «вольномыслия» времен «оттепели».

При том что проблематике исторического сознания, по этой новаторской логике развития науки, находилось место в предметном поле социологии, и философы сохраняли живой

⁴⁶ См.: Левинсон А. Г. Феномен Левады // Полития. 2003. № 2. С. 167–168.

⁴⁷ Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. М., 1969. С. 191.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Здравомыслов А. Г. Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 8.

интерес к данному научному направлению. Спустя почти два десятилетия она, вписанная в широкий контекст исторической гносеологии, эпистемологии и методологии, стала предметом монографического исследования А. И. Ракитова. Его автор, также вышедший из уже упомянутого философского семинара, развивал, в частности, весьма перспективный взгляд на историческое сознание как на историческое «общезначимое знание, доступное и понятное всем членам данной общности»⁵⁰.

В русле сложившегося историософского направления примерно в то же время цикл исследований по историческому сознанию осуществил А. Х. Самиев, определивший эту научную категорию как «осознание обществом (классом, нацией, социальной группой, индивидом) своего прошлого, своего положения во времени, связи своего прошлого с настоящим и будущим»⁵¹. Автор, следовательно, также не обошел своим вниманием того аспекта исторического сознания, который касается стихийных, «практических» форм социальной памяти.

В отечественных исторических исследованиях категория «историческое сознание» появляется, причем под несомненным влиянием западной историографии, в первую очередь ставшего в ее среде «культовым» произведения Арона, только в начале 80-х годов. Большим вкладом в разработку данного направления, получившего наименование «интеллектуальной истории», историческая наука обязана прежде всего трудам М. А. Барга⁵², а также круга историков, научная деятельность которых связана с Институтом всеобщей истории РАН. Термин «интеллектуальная история» пришел из западноевропейских языков и, будучи буквально переведен с них на русский, приобрел оттенок некоторой двусмысленности. Причем настолько, что по прошествии десятилетий последователи этого историографического направления вынуждены дополнительно разъяснять, и даже осведомленному читателю, что сам этот термин «указывает не на особое качество того, что выходит из-под пера ученого, который ею [интеллектуальной историей. – В. К.] занимается (или считает, что занимается), а на то, что фокус исследования направлен на конкретный аспект или сферу человеческой деятельности»⁵³.

По определению, разработанному М. А. Баргом в рамках данного направления, «историческое сознание в собственном смысле слова – это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени: прошлое, настоящее и будущее»⁵⁴, это «все три временные проекции данного общества: его *родовое* прошлое (генезис), его *видовое* настоящее (данная фаза общественной эволюции) и его прозреваемое будущее (вытекающее из явного и неявного *целеполагания*)»⁵⁵. Оно «концептуализирует связь между всеми тремя модальностями времени: прошедшим, настоящим и будущим»⁵⁶, ибо «только сопряжение всех модальностей времени (что возможно лишь на почве настоящего) в состоянии перевести статику воспоминания и созерцания в динамику целеполагания и предвидения»⁵⁷.

Как подобало по канонам, регламентировавшим советское обществознание, и в данном случае, когда речь шла о категории «историческое сознание», она определялась через одно из классических понятий марксистского историзма, каковым здесь являлись «формы общественного сознания». Соблюдение этой необходимой для своего времени условности должно было

⁵⁰ Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 9.

⁵¹ Самиев А. Генезис и развитие исторического сознания. Душанбе, 1988. С. 3. См. также: Его же. Историческая реальность как объект познания // Известия Академии наук Таджикской ССР. Серия: философия, экономика, правоведение. 1991. № 1. С. 50–56.

⁵² См.: Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 4.

⁵³ Репина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12.

⁵⁴ Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49.

⁵⁵ Барг М. А. Эпохи и идеи. С. 5.

⁵⁶ Там же. С. 24.

⁵⁷ Там же. С. 6.

приобщить ее, более или менее на равных, к категориальному аппарату науки и, придав должную убедительность, запустить в широкий научный оборот.

Тогда же гораздо пространнее, в более четком и артикулированном виде были сформулированы функции исторического сознания в системе «общество». Уже известный набор функциональных задач, решаемых им, как то: пространственно-временная ориентация общества, способ фиксации исторической памяти, – был дополнен еще одной, предусматривающей определение отбора, объема и содержания достопамятного⁵⁸. Таким образом, в этом понятии, обретенном отечественным обществознанием после продолжительного периода замалчивания, были открыты новые грани, весьма важные в плане выявления новых направлений исторического познания.

С момента своего появления в исследовательской практике в начале 60-х годов понятие «историческое сознание» в первую очередь ассоциировалось со сферой элитарного сознания, носителем которого традиционно выступает функциональная элита, составляющая корпорацию профессиональных историков. Соответственно оно рассматривалось по преимуществу в плоскости историографии, как проблематика специальной исторической дисциплины, предметом ведения и содержанием которой является история исторической науки, то есть развитие именно научных представлений о прошлом⁵⁹.

Иное дело, что и сама историография, постигшая категориальную ценность исторического сознания, поднималась на новую ступень развития, существенным образом расширяя свои традиционные горизонты. Ибо теперь поле ее зрения не ограничивалось изучением произведений исторической мысли как текстов индивидуального исторического сознания либо их «суммы», более или менее обоснованно или произвольно сформированной и определяемой в своей совокупности как та или иная историографическая школа или направление. В сферу компетенции историографии попадал такой во многом еще не изведанный феномен, как надындивидуальное историческое сознание, в данном случае – элитарное сознание, воплощенное, например, в менталитете историков, определяемом как «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. путем *повторения*»⁶⁰.

По сравнению с научными результатами, уже полученными западной историографией, новизна такого подхода выглядела весьма относительной: с середины XX в. там практиковались исследования исторического сознания более широких слоев интеллектуальной элиты, а не только его отражения в одних лишь текстах историографических источников⁶¹. Но для историографии отечественной то было несомненным достижением концептуального значения, хотя на фоне этого прогресса науки «элитарность» исторического сознания оставалась, по сути дела, неоспоримой, а видимых признаков распространения данной категории «вширь» – на сферу группового, массового, «народного» сознания, то есть сознания более многочисленных, инопорядковых в количественном отношении общностей, – за очень редкими исключениями практически не наблюдалось. Переломить эту тенденцию было сложно еще и потому, что она находила свое веское оправдание в справедливом взгляде на историописание как на компонент

⁵⁸ Барг М. А. Эпохи и идеи. С. 6, 12–18. См. также: Историческое сознание в современной политической культуре. С. 107.

⁵⁹ См.: Историческое сознание в современной политической культуре. С. 105; Барг М. А. Указ. соч.; его же. «Историческое время»: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 63–76; его же. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25–40; Сувойчик Л. В. Историческое сознание и его отчуждение // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва, 19–21 мая 1996 г. / Отв. ред. академик Г. Н. Севостьянов. М., 1999. С. 173–176.

⁶⁰ Барг М. А. Эпохи и идеи. С. 4. Об исследовательском сознании и творческой практике историков см. также: Репина Л. П. Текст и контекст в интеллектуальной истории // Сотворение Истории. С. 314.

⁶¹ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2006. В двух томах. Т. 2. Образы прошлого. С. 400–401.

интеллектуальной культуры, должной недвусмысленным образом противопоставить себя культуре духовной⁶².

Тем временем «элитарная» версия исторического сознания при всем теоретическом новаторстве многих ее аспектов обнаруживала признаки морального старения, являя собой шаг назад, некоторое попятное движение по сравнению с уже упомянутыми научными результатами, полученными в 60–80-е годы историософами и утверждавшими принцип взаимодействия элитарного и массового, научного и стихийного начал в историческом познании.

Правда, если исходить из тех относительно нечастых случаев, в которых категория «историческое сознание» и ранее (по нашим разысканиям, еще в начале 70-х годов) все-таки робко проскальзывала в исторических сочинениях, то окажется, что иногда едва ли не предпочтительным было ее употребление применительно к феноменам группового, массового сознания, для описания народных взглядов на историю. В качестве примера подобного рода весьма показательна ссылка А. Я. Гуревича на источники явно «низового», не элитарного происхождения, под влиянием которых складывалось историческое сознание средневековых обществ: «Историческое сознание преимущественно формировалось не учеными сочинениями, а легендами, преданиями, эпосом, сагами, мифом, рыцарскими романами, житиями святых»⁶³.

В такой своей по-новому звучащей интерпретации, как скорее народное, нежели ученое, историческое сознание получило некоторое хождение и в исторической науке, и в бесчисленном множестве ее популяризаций, на которые оказались весьма щедрыми годы перестроечного и постперестроечного исторического «ренессанса». В ту пору «ренессансной» эйфории, воцарившейся на разных уровнях отечественного историописания, сам термин получил наконец официальное признание и в верхних иерархических эшелонах академического сообщества историков⁶⁴. Теперь он уже не вызывал активного отторжения как нечто «апокрифическое», выбивающееся из стройного ряда категорий и понятий науки, доступное лишь тем немногим «эрудитам», которые были знакомы с последними достижениями западной историографии и явно тяготились догматизированными анахронизмами, а то и откровенной провинциальностью историографии отечественной.

На те же годы исторического «ренессанса» пришлось также открытие исторической памяти – категории, сопредельной историческому сознанию, – в качестве предметного поля таких современных, переживающих подъем отраслей гуманитарного знания, как новая культурная история, или историческая культурология, и интеллектуальная история. Эти недавно заявившие о себе дисциплины определили одним из своих приоритетов, среди многих прочих, изучение исторической памяти не только элит, но и социума, отдельных его общностей, то есть, иными словами, публичной исторической памяти⁶⁵.

⁶² См.: Келле В. Ж. История и культура. Методологические заметки // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 23–32.

⁶³ Гуревич А. Избранные труды. СПб, 1999. Т. 2. Средневековый мир. С. 105.

⁶⁴ См.: Касьяненко В. И. Об обновлении исторического сознания // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 3–12; Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989. С. 9; Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 3–23; Мучник В. М. Историческое сознание на пороге XXI века. От «логоса» к мифу // Методологические и историографические вопросы. М., 1999. Вып. 25; Ионов И. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1999 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2000. С. 5–18; его же. Цивилизационное сознание и историческое знание. М., 2007; Данилов В. Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества. Саратов, 2005; Шмидт С. О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М., 2005; Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. Научные доклады / Под ред. А. В. Гладышева и Б. Б. Дубенцова. СПб, 2006; Kolomiez V. Op. cit.; Idem. Aspetti della biografia di Anna Kuliscioff // Gli uomini rossi di Romagna. Gli anni della fondazione del PSI (1892) / a cura di Dino Mengozzi. Manduria-Bari-Roma, 1994. P. 43–56.

⁶⁵ См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 239–241; Ее же. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем / Под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М., 1999. 1. С. 10–11; Зверева Г. И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Там же. С. 260–261.

«Публичный», «публичность» – эти неологизмы политического языка, несущие на себе отпечаток некоторой метафоричности, активно проникают в сферу исторического познания. Так, новейшая итальянская историография уже свободно оперирует выражением «публичное использование истории», подразумевая в данном случае историческое просвещение массовой аудитории⁶⁶.

Как очевидно, в ходе рассуждений об историческом сознании обязательно возникает понятие, ему близкое, родственное и сопредельное, – историческая память, именуемая также социальной, коллективной, публичной и т. п., а вместе с ним и особое направление исследований – культура меморизации⁶⁷. Разброс мнений, трактующих вопрос о мере различий между той или иной разновидностью памяти, равно как и между историческим сознанием и исторической памятью, представляется достаточно широким. Есть, в частности, убедительные доводы в пользу «разведения» понятий «историческое сознание» и «историческая память», как есть и не менее убедительные доводы, утверждающие их тождество⁶⁸. Обе точки зрения при всей убедительности их отдельных моментов нуждаются в дополнительной аргументации, между тем как в научном и особенно в публицистическом дискурсе стихийно сложилась традиция использования этих понятий, кстати, наиболее приемлемая в данном случае, как синонимичных⁶⁹.

Таким образом, категории «историческое сознание», «историческая память», будучи отнесены и к сфере группового и массового сознания, позволяют воспроизвести те представления о прошлом, нередко трактуемые и даже третируемые исторической наукой как заведомо ненаучные, «запредельно» от нее далекие, которые являются достоянием уже массовых слоев общества, а не какой-либо функциональной элиты. В этом своем сравнительно новом качестве они постепенно обретают права научного гражданства как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Запоздалое обретение этих базовых научных категорий происходило на фоне открытий более общего характера, сделанных для себя отечественной исторической наукой перестроечного и постперестроечного времени, в числе которых одним из самых заметных стала проблема человеческой субъективности в истории⁷⁰.

Постановка данной проблемы отразила историографическую коллизию, отнюдь не новую и не оригинальную, по поводу того, что должно быть приоритетным в историческом познании – элиты или массы, и в частности элитарное или массовое сознание. С закономерным постоянством этот ученый спор воспроизводит себя на разных этапах развития исторической мысли, причем в пользу то одного, то другого подхода всякий раз находятся убедительно веские, подкупающие своей, казалось бы, совершенной неоспоримостью доводы.

Так, уже в эпоху Просвещения историография, по крайней мере в лице ее наиболее передовых представителей, дозрела до осознания необходимости изучения глубинных социальных явлений в противовес хрестоматийно привычным историческим повествованиям о вождях, героях и правителях – великих мира сего⁷¹. Однако и много позже, в первой трети XX в., исто-

⁶⁶ См., в частности, Legnani M. Il mercato della storia. Il mestiere di storico tra scienza e consumo / a cura di Luca Baldissara, Stefano Battilossi, Paolo Ferrari. Roma, 2000; Pivato S. La storia leggera. L'uso pubblico della storia nella canzone italiana. Bologna, 2002.

⁶⁷ О протяженном ряде эпитетов, применимых к понятию «память», см.: Безрогов В. Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение Истории. С. 25.

⁶⁸ См.: Барг М. А. Эпохи и идеи. С. 3–4; Репина Л. П. Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение Истории. С. 329–343.

⁶⁹ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия. С. 191.

⁷⁰ См.: Барг М. А. О категории «цивилизация»; Его же. Проблема человеческой субъективности в истории (методологический аспект) // Цивилизации. М., 1992. Вып. 1. С. 69–87; Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 247–249.

⁷¹ См.: Бессмертный Ю. Л. Новые подходы к политической истории // Форум. Переходные процессы. Проблемы СНГ / Отв. ред. член-корреспондент РАН Т. Т. Тимофеев. М., 1994. С. 167.

рия культуры все еще относил к разряду заведомо «низменных» научных жанров исследование некоторых коллективных систем мироощущения и поведения, противопоставляя им в качестве якобы более достойного иной объект анализа, коим слыли результаты политического творчества элит⁷².

Такой подход к историописанию, превозносившему, по выражению Антонио Грамши, «деяния великих»⁷³, последовательно оспаривался марксистской историографической традицией, которая, напротив, декларировала изучение «народных масс» как свой неукоснительный приоритет. В свою очередь, пределы развития марксистского историзма в его крайнем, «социологизированном» в худшем смысле слова варианте со временем заявили о себе, вызвав справедливые упреки и нарекания относительно дегуманизации исторического процесса, в описаниях которого, как правило, были задействованы, по справедливому замечанию М. А. Барга, «либо полностью обезличенные «народные массы», либо отдельные, но отнюдь не индивидуализированные герои»⁷⁴.

Оговоримся, однако, что во многом справедливые соображения М. А. Барга сформулированы с несколько категоричным максимализмом, характерным для романтических времен перестройки. Справедливости ради отметим, что далеко не все исторические труды, созданные в пределах марксистского историзма, грешили голым «социологизированием» и дегуманизацией истории. Более того, целые отрасли обществоведческого знания, отпочковавшиеся и от исторической науки, – социология, социальная психология, политическая наука, – возникнув задолго до перестройки, стремились решить проблему человеческой субъективности в истории, или, если употребить популярный историографический слоган перестроечного времени, то проблему «человека в истории».

Между тем весьма значимых научных результатов на путях исторического познания глубинных социальных явлений добились французская школа «Анналов», как и ее преемник в лице «новой исторической науки», завоевавшие широкую известность. В их исследованиях, как отметил французский историк Ж. Ревель, возобладали методологические принципы, устанавливающие в качестве императива «предпочтение коллективному перед индивидуальным, безличным культурным процессам перед творчеством «высоколобых», психологическому перед индивидуальным, автоматизмам перед отрефлектированным»⁷⁵.

Добавим к этому, что школа «Анналов» и преемственные ей историографические направления, пережившие у нас еще в доперестроечные годы процесс активной популяризации⁷⁶, с «упразднением» марксистского историзма как «огосударственной» историографии в какой-то степени заполнили собой образовавшийся методологический вакуум, сыграв позитивную роль в депровинциализации нашей отечественной исторической науки.

Впрочем, аналогичным приоритетам не осталась чуждой и отечественная историография, развивавшаяся в русле марксистского историзма времен «оттепели». Интерес к психологическому явлению обнаружил себя и здесь, способствуя в атмосфере общей либерализации культурной жизни становлению социальной психологии как самостоятельной области знания, в прежние времена гласно или негласно «табуированной». В самом деле, сфера иррационального, в изучении которой невозможно было обойтись без социально-психологических методов

⁷² См.: Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1993. С. 51–52.

⁷³ Gramsci A. Lettere dal carcere / A cura di Sergio Caprioglio e Elsa Fubini. Torino, 1975. P. 113.

⁷⁴ Барг М. А. О категории «цивилизация». С. 27. См. также: Его же. Индивид – общество – история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45–56; Его же. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. № 3. С. 27–35.

⁷⁵ Ревель Ж. Указ. соч. С. 57. См. также: Бессмертный Ю. Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 152–158.

⁷⁶ См.: Трубникова Н. В., Уваров П. Ю. Пути эволюции социальной истории во Франции // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 127–147.

и подходов, до этого словно бы не существовала для официального обществоведения. Политическая культура советского времени, безапелляционно утверждая «идеологичность» всего и вся, допускала объяснение явлений общественного сознания, даже связанных с повседневностью, почти исключительно в терминах рациональности. Социально-психологическое воспринималось как нечто словно бы исходящее «от лукавого», и в лучшем случае подлежало истолкованию как что-то незрелое и отсталое, с неумолимой неизбежностью обреченное на замещение «идеологическим». Преодоление такого рода догматизированных представлений, которое выразилось в попытке интеграции социальной психологии и истории, успешно предпринятой Б. Ф. Поршневым и кругом его последователей, получило в то время наибольший научный резонанс⁷⁷.

Менее известным, но весьма показательным для того же периода развития советской историографии был замысел историософского исследования П. А. Зайончковского, оставшийся нереализованным, в котором центральное место в историческом процессе также предполагалось отвести психологическому фактору⁷⁸.

Такая попеременно проявляющаяся в историографии приоритетность в изучении то элитарного, то, наоборот, массового начала сопровождала и процесс становления интеллектуальной истории. В настоящее время эта бинарная модель истории культуры подвергается обоснованной критике со стороны последователей новой культурной истории, по праву оспаривающих традиционные дихотомические схемы, а вместе с ними и жесткость противопоставления составляющих ее элементов, в частности ученой и народной культуры, «интеллектуальной элиты» и «профанной массы». На смену привычной бинарности видения культурно-интеллектуальных процессов приходят интегральные подходы и установки, которые в их различных версиях реализуются в новейшей историографии⁷⁹.

⁷⁷ См.: Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии. М., 1964; История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. М., 1971; Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973; его же. Социальная психология и история. Изд. второе, доп. и испр. М., 1979; его же. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб, 2007; Коломиец В. Поршнев, Борис Федорович (1905–1972) // *A nemzetközi munkásmozgalom történetéből. Évkönyv 2011. XXXVII. évfolyam.* Budapest, 2010. 402–406. old.; Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М., 1969.

⁷⁸ См.: Pugačev V. V. La polemica di Franco Venturi con Nikolaj Michajlovič Družinin (1962–64) e la storiografia sovietica // *Rivista Storica Italiana.* 1996. Fasc. II–III. P. 774.

⁷⁹ См.: Репина Л. П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // *Диалог со временем* / Под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М., 2000. 2. С. 5–13; Ее же. Текст и контекст в интеллектуальной истории. С. 308–313.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.